

Фрагмент из романа

Jenny Erpenbeck
Aller Tage Abend

Knaus Verlag, München 2012
ISBN 978-3-8135-0369-2

C. 178-193

Jenny Erpenbeck
Хвали день к вечеру...

Перевод Татьяны Баскаковой

До недавнего времени она еще соглашалась с мужем, что ряды собственной партии нужно тщательно проверять, чтобы ядро оставалось крепким... Она лежала на диване, он сидел в кресле и читал ей, из толстой книги, отчет о последнем процессе. После Радека, Зиновьева, Каменева, всех этих революционеров первого призыва, которых прежде называли *испытанными боевыми соратниками Ленина*, теперь вот и Бухарин открыто признал свою вину, участие в заговоре и измену родине, был приговорен к высшей мере и расстрелян. В заключительном слове он сказал: *Ибо, когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись.*¹ Так он использовал эту последнюю возможность, чтобы еще раз заявить о своей преданности Советскому Союзу.

Она и ее муж в самом начале своего пребывания в Москве лично встретились с Бухариным. В их первый московский день Бухарин позвонил в гостиницу австро-немецкой семье коммунистов, которая только что прибыла сюда, освободившись от нелегального положения, и принес им в номер хлеба и сала.

Будет ли у нее еще возможность описать шорох, который производили при перелистывании страницы той толстой книги? Страницу за страницей озвучивал голос мужа, и она слышала, как живые люди превращаются в собственных призраков.

Мы в самом деле узнаем друг друга именно здесь, в летучих завихрениях речи, в них мы видим друг друга очень отчетливо.

Мое глубокое убеждение: то, что я здесь осознаю, как большевик, что я здесь ощущаю – как силу большевизма, – эта духовная сила есть нечто настолько мощное, что она принуждает нас говорить правду.

Мы, коммунисты, обязаны показать свое лицо, то есть – себя как

---

¹ Цит. по: Стенограмма Бухаринско-троцкистского процесса 2-12 марта 1938 г. (Судебный отчет //Матер. /Воен. кол-я Верх. Суда СССР- М.: Международная семья, 1997.)

целостного человека.

Значит, нельзя утверждать, что, дескать, у кого-то не было времени, чтобы проявить бдительность, потому что он ездил на дачу, отвозил деньги жене.

Когда нам удастся создать чистую атмосферу, тогда, несомненно, мы и работать будем чисто и продуктивно.

Теперь – впервые с тех пор, как осталась одна, – она себя спрашивает, действительно ли надо так радикально отсекал все то, что кажется слабым или маргинальным. Ядро шара – вероятно, сказала бы сейчас ее младшая сестра, всегда хорошо разбиравшаяся в математике, – по сути, представляет собой точку, причем такую, величина которой в негативной области стремится к бесконечности. Но что в данном случае следует понимать под «ядром»? Идею или какого-то одного человека? Сталина, может быть? Или – совершенно оторванную от человеческого фактора, абсолютно чистую веру в лучший мир? Но в чьей голове будет жить такая вера, если в один прекрасный день вообще не останется голов? Один человек, бывает, теряет голову, но ведь не вся же партия, думала она еще два года назад. Теперь, однако, ситуация выглядит так, будто партия может разом потерять все свои головы, будто само ядро вышвыривает наружу все новые частички себя и все быстрее уменьшается в размерах, чтобы обеспечить безопасность собственного центра.

В негативной области, сокращаясь до бесконечности.

В Вене, когда-то давно, ее муж рассмеялся, увидев в рецензии на спектакль слова: «Он не играл Отелло – он был Отелло». «Старомодным» назвал муж такое воодушевление по поводу успешной иллюзии. Он считал пресловутое *слияние актера с маской* апогеем буржуазной лживости, и вот теперь именно ему – здесь, в стране будущего, где все трудятся ради всеобщего блага и за таким трудом не скрывается обман, где прибыль каждого идет на пользу всем, а потому эгоизм, любые формы лавирования немедленно искореняются, – именно ее мужу предъявлено обвинение в

двурушничестве? Неужели они двое, постоянно подвергавшиеся преследованиям, слишком часто меняли имена, и в результате их же товарищи забыли, что за этими именами стоит? А иначе почему бы сейчас так часто заходила речь о масках и личинах? Или они, сражаясь против внешнего врага, в действительности давно переняли его повадки, сами того не заметив? Может ли то, что порой из них «прорывается», быть враждебным по отношению к ним самим? Неужели собственный личностный рост – так, что сами они этого не ощутили, – вынудил их перевернуться на вражескую сторону?

Любой человек, поскольку его поведение диалектично, прокручивает у себя в голове самые разные мысли. Вопрос лишь в том, какие мысли я выпускаю наружу. Само собой, любой человек виновен. Но тут же возникает мысль, что человек *не* виновен. И я не найду выход из этого тупика, просто вновь и вновь вызывая мысленный образ молодого поэта Д., который невиновен. Вновь и вновь в одной части моего сознания возникает образ невиновного Д., а в другой – сцена его случайного ареста. Этот человек невиновен, и я вижу, что он невиновен, и пытаюсь это доказать, но потом его все-таки арестовывают, и значит, этот арест – случайность. Но если арест *не* случайность, это, с другой стороны, доказывает, что арестованный *не* является невиновным. Поэтому я с тобой соглашусь. Хотя речь идет о деле, где правда все же не на твоей стороне.

На этом участке степи – 45.61404 градуса северной широты, 70.751954 градуса восточной долготы – только три месяца в году не бывает морозов. За две-три недели трава утратит теперешний зеленый цвет, побуреет и будет тихо шуршать под ветром, приводящим в соприкосновение стебли. Еще прежде, чем выпадет первый снег, стебли травы покроются крошечными ледяными кристаллами и маленькие камушки на поверхности земли, которые все, без исключения, подвергаются одинаковому воздействию мороза, тоже покроются инеем и смерзнутся. После первых

морозов ветер уже не сможет их перекачивать.

В выходной, накануне ареста, муж пошел на какое-то собрание и потом, вопреки обыкновению, не проронил ни слова о том, что там обсуждалось. Он вернулся под утро, на сей раз не стал подтрунивать над ее страхом, не улыбнулся, сверкнув зубами, не откинул со лба прядь волос и вообще был таким молчаливым, как раньше только однажды, два года назад, когда узнал, что его заявление о приеме в КПСС одобрено, а заявление жены – нет.

С тех пор, как мужа забрали, она знает, что, описывая здесь свою жизнь, играет не только с собственной жизнью, но и с мужчиной, не только с собственной смертью, но и с мужчиной, – или она, наоборот, играет *против* смерти, или между «за» и «против» уже нет никакой разницы? Она знает, что каждым словом, которое записывает или не записывает, она играет и жизнями своих друзей, но и они, со своей стороны, когда их спрашивают о ней, играют ее жизнью.

Насколько мне известно, товарищ Х. уже около трех лет живет вместе со своей женой, коммунисткой Х., в Москве. Он знал ее и раньше, но три года назад они официально поженились. Интересовался ли товарищ Х. у других товарищей о биографии жены в период, предшествовавший их знакомству, или он знает жену только по собственным ее рассказам?

Моя жена, товарищ Х., как многие из вас знают, с 1920 года является членом Коммунистической партии Австрии. Непосредственно перед отъездом в Москву она имела в Праге контакт с троцкистом А.

Об этом мне нечего сказать, я тогда еще находился в Берлине.

У нас есть не только право, но и обязанность говорить обо всем, что мы знаем.

А. далеко не сразу проявил себя как троцкист. Я могу поручиться, что товарищ Х. не идентифицировала себя с ним и даже – прежде всего в том, что касается суждений о Советском Союзе, – очень четко

отмежевывалась от него.

Насколько я понимаю, между вами и А. существовала более тесная связь, чем просто дружеские отношения. Во всяком случае, на прощание в тот известный вечер вы обнялись, как значится в показаниях товарища Ш.

На это мне нечего сказать.

Ответь на вопрос: были ли у твоей жены полу-троцкистские, троцкистские или оппозиционные настроения?

Нет, тогда нет.

Что значит «тогда нет»? Должен заметить, что ответы не кажутся мне безусловно правдивыми. Что еще за этим скрывается? Почему товарищ Х. не заговорил сам о своей жене – в этой связи? Почему нам приходится задавать ему наводящие вопросы?

Применительно к ней ни о какой принадлежности к оппозиции – внутрипартийной, я имею в виду – и речи быть не может.

Я надеюсь, всем товарищам ясно, что мы в критических ситуациях должны всякий раз оказываться на высоте. Мы должны отвечать на действия этих бандитов – которые в Германии пытаются наших товарищей, а сюда засылают шпионов, – волнами террора. Что если таким подлецам и контрреволюционерам, как А., удастся застрелить товарища Сталина? Товарищи, речь идет о вопросе: мир или война.

Промолчит ли на допросе ее по-матерински заботливая подруга, с которой она лето за летом, до самого сентября, делила дачу, – или все же признается, что обе они сомневались в виновности арестованного молодого поэта Д.? Не может ли быть так, что жена писателя Б., недавно приговоренного к смерти и расстрелянного за троцкистские происки, – женщина, которая теперь подрабатывает швейными работами и потому приходила для примерок к ней в комнату, – что эта женщина рылась в ее бумагах, пока сама она отлучалась в туалет? Случайность ли, что Р., с которым она и ее муж в начале своего пребывания в Москве вели так много интересных разговоров о литературе, ровно за неделю до ареста ее

мужа отправился в командировку в республику немцев Поволжья? Кто отвечает за то, что в рецензии, которую она написала в июле для *Deutsche Zentralzeitung*², последняя фраза была просто вычеркнута, так что ее позиция относительно книги усатого К. превратилась в нечто противоположное? И должна ли она теперь расценивать это как везение или, наоборот, несчастье?.. Она уже давно не встречается с друзьями, с которыми в первые годы иногда играла в карты, литературные рабочие группы уже два года как распущены, и даже собрания немецких коммунистов больше не проводятся. Ее подруга Ц., которая раньше так часто приходила к ней выплакаться, потому что никак не могла забеременеть, недавно даже не кивнула, когда проходила по улице мимо кафе «Красный мак» и увидела, что по ту сторону оконного стекла сидит за столиком *жена арестованного Х.*

А сама она?

Во время репетиций последней пьесы, которую написал перед арестом ее муж, за несколько дней были арестованы сразу пятеро из восьми актеров, в связи с чем работа над пьесой временно приостановилась. Товарищ Фр., жена одного из задержанных, вчера подошла к ней в кафе, держа за руку Сашу, своего девятилетнего сына, и с нажимом в голосе попросила, чтобы она разрешила ей и ребенку провести у нее хотя бы одну ночь. Я не могу, ответила она женщине. Та, не ответив ни слова, повернулась и вышла, все так же держа за руку мальчика. Я не могу... А ведь еще совсем недавно ее муж в паузах между репетициями складывал для Саши бумажные самолетики...

Неужели дело действительно дошло до того, что ей остается лишь надеяться: служащие госбезопасности, которые отняли у нее мужа, на самом деле – предатели, *враги народа, лишь прикрывающиеся необходимостью политической бдительности*; и, может, вплоть до самых высших эшелонов, эти служащие – агенты Гитлера? Потому что ведь не

---

2 «Немецкая центральная газета» – выходивший в Москве в 1927-1939 гг., на немецком языке, центральный орган немецкой секции Коминтерна.

только ее муж, но и все, о чьих арестах она слышала до сих пор, были коммунистами, вполне заслуживающими доверия. Теперь она почти уверена: только если их противником и вправду является Гитлер – даже здесь, в столице Советского Союза, – только тогда надежда коммунистов на лучший мир может оставаться живой, несмотря на здешнее дурное обращение с антифашистами и смерть многих из них... Или, может, сам Сталин хочет, замаскировавшись под *Гитлера, который, в свою очередь, замаскирован под Сталина*, то есть воспользовавшись двойной маскировкой, нацепив сразу две личины и став настоящим двурушником, как бы собственным тайным агентом – из страха, что коммунисты, живя в *хорошем* мире, навсегда потеряют надежду на *лучший* мир, из страха перед застоём, – может, он хочет убийствами еще раз загнать коммунистическое движение в надежду? Может, они все вместе видят кошмарный сон, пробуждения от которого не будет, и в этом кошмарном сне Сталин – добрый отец семейства, с ножом в руке входящий в спальню своих детей?

*Наша страна как сад расцветет,
Словам моим, милый, внимай,
Никто у нас землю не отберет.
Внимай мне, милый, внимай.*

*Солдат границы ее стережет,
Глаза закрывай, засыпай,
Красноармеец вахту несет.
Засыпай, дитя, засыпай.*

Направляясь на коммунальную кухню, чтобы в очередной раз отлить себе из бойлера кипятку для чая, она встречает в коридоре индийского товарища Ал. Он здоровается, но сегодня не заводит с ней беседы.

Наверняка он тоже уже слышал об аресте ее мужа. В прошлом месяце, когда он только приехал в Москву, она и ее муж, пока занимались готовкой, разговорились с ним, и он поначалу стоял, прислонившись к кухонному столу, но в какой-то момент уселся на край стола, покачивал ногами, а потом и вовсе задрал ноги вверх, чтобы, продолжая говорить, принять портновскую позу, как в высшей степени живой Будда, – прямо на этой истертой столешнице, на которой русские наверняка еще в царское время лепили пельмени, а позже китайские товарищи обваливали сваренные вкрутую утиные яйца в пепле или французы замачивали мясо в маринаде из оливкового масла и чеснока. Она сама по случаю VII конгресса Коминтерна³, два года назад, делала на этом столе яблочный штрудель для своих датских, польских и американских друзей. Как неудержимый любовный акт, таким был этот конгресс: слияние всех со всеми в совместной борьбе за человечество, которое вскоре наконец найдет путь к себе... Она и ее муж после окончания заседаний часто ночами спорили, лежа в постели, как должен выглядеть этот новый мировой порядок, и будет ли вообще какой-то порядок, и какие новые скрепы заменят прежние связи по принуждению.

Л. втиснулся между нами и закричал на меня. Я сказала ему: попридержи язык. Тогда он оттеснил меня в сторону и попытался залезть мне под юбку.

М. говорит, что я будто бы ухватила его за грудки. Все знают, что ничего подобного не было. Я никогда не хватала мужчин за грудки, у меня и в мыслях такого не было.

В комнате находилось восемь товарищей. Я сказала Л.: не хватай меня. Л. тотчас сам крикнул: не хватай меня! Я сказала еще раз: убери свои лапы.

Тут товарищ М. меня поддержал: убери свои грязные лапы!

Тогда Л. затынул старую песню: вы за это еще поплатитесь, дело дойдет до разбирательства в партиячке...

---

³ Этот конгресс проходил 25 июля — 20 августа 1935 г.

М. крикнул в ответ: может, они и отмоют твои грязные лапы, сделают тебя невиновным!

Товарищ Л. обладает полнозвучным речевым аппаратом, и теперь он использует его на всю мощность: дескать, вы еще увидите, что я могу сделать с любым из вас!

Фантазия!

В комнате, где она жила последние три года вместе с мужем и в пустоту которой теперь вернулась, на стене все еще висит желтый коврик с вышитым на нем солнцем, купленный во время первого отпуска в Советском Союзе. Каждое утро еще до рассвета она выходит из дома и стоит в темноте перед зданием НКВД, Лубянка 14, чтобы узнать что-то о муже, а оттуда отправляется к Бутырской тюрьме. И в том, и в другом месте окошко для контактов с посетителями при ее приближении захлопывается. Она уже писала и Пику, и Димитрову, и Ульбрихту, и Бределю⁴, но никто из них не может или не хочет сообщить ей, вернется ли ее муж, был ли арест ошибкой, или его привлекут к суду, и если да, то отправят ли в ссылку, или расстреляют. Или – уже расстреляли... После ареста мужа, с которым она была так близка, ее собственная жизнь, по сути, уже для нее не доступна.

Я обращаюсь к вам с просьбой предоставить мне советское гражданство и прошу дать мне возможность доказать, что я – советский человек.

6

Когда около четырех часов утра, незадолго до восхода солнца, на ее этаже останавливается лифт, она этого не слышит, потому что заснула

---

⁴ Вильгельм Пик (1876-1960) – один из основателей германской компартии, с 1931 г. член Президиума исполкома Коминтерна, в 1935 г. переехал в Москву, в 1949-1960 гг. – президент ГДР. Георгий Димитров (1882-1949) – деятель болгарского и международного коммунистического движения. После оправдания на Лейпцигском судебном процессе 1933 г., где разбиралось дело о поджоге рейхстага, получил советское гражданство и в 1934 г. переехал в Москву. С 1935 г. – генеральный секретарь исполкома Коминтерна. Вальтер Ульбрихт (1893-1973) – деятель германского коммунистического движения, в 1933 г. переехал в Москву, с 1935 г. член Политбюро, с 1960 г. и до смерти – председатель Государственного совета ГДР. Вилли Бредель (1901-1964) – немецкий писатель и общественный деятель, с 1934 г. до конца войны жил в основном в Москве (за исключением периода 1937-1938 гг., когда воевал в Испании).

прямо за письменным столом, уронив голову на недописанный лист. Лбом она касается слова *бдительность*: в таком положении и застают ее чиновники, вошедшие в комнату, чтобы произвести арест. Прихватить с собой маленький синий чемодан, который уже давно стоит, собранный, возле двери, она забывает. Когда в доме вновь воцаряется тишина, чемодан находится все на том же месте. Внутри него – фотография молодой женщины в большой шляпе, проштемпелеванная на обороте владельцем фотоателье на Хауптштрассе (район Ландштрассе, Вена); а также – полностью исписанная тетрадка, несколько писем, австрийский паспорт, грязная красная листовка, членский билет Коммунистической партии Австрии, завернутая в бумагу машинопись, листок с рецептом приготовления халы и на самом дне – *изгрязненное* и *ветхонькое* платице для куклы, когда-то собственноручно сшитое из розового шелка.

И теперь она наконец знает, чьи голоса слышала все последнее время: при температуре минус 63 по Цельсию она встречает их снова. Как приятно – существовать в таком холоде *без тела*. По ночам здесь, где *они* пребывают далеко за границей земного мира, люди отделяют руду от шлаков: все плохое сжигается, сгорает в пламени, вздымающемся выше, чем собор Святого Стефана⁵, и возникает что-то роскошное по цвету, пестрое, как закатный горизонт, – наподобие световых фонтанов; это прекрасней всего, что она когда-либо видела, это ни с чем не сравнимо – такое сжигание шлаков посреди Нигдейи, красота из красот.

Днем *живые* взламывают кирками глину, в которой содержится руда, транспортируют руду на грузовиках, а по ночам разжигают этот огонь. *Мертвые* же сжигают в огне все фразы, которые они говорили, когда сами еще были живыми, – говорили из страха, по убеждению, в гневе, из равнодушия или движимые любовью... Почему ты здесь, спрашивает она того, о ком помнит, что он однажды сказал: *...именно здесь, в летучих завихрениях речи, в них мы видим друг друга очень отчетливо*. Я мучился жаждой, говорит он, и выпил некипяченой воды, и вскоре умер от тифа... А

---

5 Символ города Вены.

ты, спрашивает она того, о ком знает, что он однажды назвал кого-то другого *борзописцем*. Я замерз... А ты? *Если бы кто-то это увидел...* Я умер от голода... Еще какая-то фраза взлетает в небо, и у нее не больше и не меньше веса, чем у того, кто когда-то ее произнес. А ты? Я сошел с ума, только смерть меня вновь образумила, отвечает он и смеется, и его смех здесь, примерно в 250 метрах над степью, кажется щекочуще-пушистым... Я, говорит еще один кусок воздуха, только и помню, как я к чему-то прислонился, потому что слишком ослаб, чтобы идти дальше, и кто-то, проходя мимо, заглянул мне в глаза, которыми я тогда еще обладал... Я рада, слышит она чей-то женский голос (слышит без ушей, ведь она и видит без глаз); я рада – слышит она, как этот голос говорит, – что с исчезновением глаз и плач мой наконец прекратился: дело в том, что когда меня арестовали, мой собственный ребенок отрекся от меня, назвал меня *врагом народа*, и тогда я порвала рубашку на полосы, скрутила из них веревку и повесилась на дверном засове.

Здесь, в летучих завихрениях речи, в них мы видим друг друга очень отчетливо.

Может, следовало бы измерить силу воздушного потока, производимого такой вот странствующей душой... Может, когда-нибудь и здесь, посреди этой пустоши, вырастут цветы, не исключено, что даже тюльпаны; может, однажды присутствие здесь бесчисленных мотыльков станет такой же реальностью, как сейчас – отсутствие каких-либо мотыльков, при минус 63 градусах по Цельсию... У нее сейчас, как и у прочих мертвых, в запасе все время, какое только есть в мире, и она может спокойно дожидаться других времен. Для живых же, не располагающих иным временем, кроме того, в коем каждый из них случайно оказался владельцем тела, есть лишь единственная пестрота, которую они могут наблюдать здесь по ночам, совместно с мертвыми: пламя.

7

Когда она еще жила – прошлым летом, – она вместе с другими женщинами должна была вырыть за пределами лагеря много больших ям,

чтобы позже, зимой, когда земля промерзнет, имелось место, где они могли бы друг друга хоронить. Они, все вместе, копали могилы *про запас* – для себя и своих подруг, и для своих недоброжелательниц, и для тех, кто относился к ним равнодушно.

В какой-то из дней своего сорок первого лета она ударила киркой в землю, в определенной точке Земли, и начала рыть собственную могилу – не зная, конечно, что именно этому месту на бесконечной земной поверхности предназначено стать ее жилищем до скончания вечной зимы. *45.61404 градуса северной широты, 70.75195 градусов восточной долготы*: так назовут люди это вообще-то безымянное место, на котором она в летний день, при сорока градусах жары, вонзает кирку в сухой песок; трава, вьющиеся вокруг мелкие насекомые и пыль, и почва здесь совершенно сухая – до самого дна ямы.

*Как вожделенны жилища Твои, Господи сил!*⁶

В ее сорок первую зиму, ночью, когда все спят, дежурная вытаскивает остывшую правую ногу умершей из-под теплой ноги какой-то другой, спящей женщины, выволакивает безжизненное тело из барака и доставляет его в барак-мертвецкую. При том холоде, который здесь царит, не требуется даже двух полных дней, чтобы такое тело вместе с плотью, облегающей кости, замерзло и превратилось в скелет.

Много лет назад кто-то произнес слово, а другой в ответ – другое, слова привели в движение воздух, слова были записаны чернилами на бумаге, бумажные листы подшиты в тетрадь, воздух произвел расчет с воздухом, чернила – с чернилами... Жаль, что мы не можем видеть границу, на которой слова из воздуха и слова из чернил превращаются во что-то реальное, становятся столь же реальными, что и, например, пакет муки, или народ, собирающийся для бунта, столь же реальными, что и тот треск, с которым замерзшие кости товарища Х. в ее сорок первую зиму соскользнули в могилу; этот треск был таким, как если бы кто-то смахнул в

---

⁶ Пс. 83:2.

деревянный ящик костяшки домино. Потому что – когда очень холодно – то, что когда-то было человеческой плотью и кровью, при падении производит точно такой же звук, что и обычная деревяшка.